

УДК: 94 (47) (571.6)

РОССИЙСКИЕ ПАРТИИ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1905—1914 гг.

Юрий Сергеевич ПЕСТУШКО,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры японского языка Дальнево-
сточного государственного гумани-
тарного университета, г. Хабаровск.
E-mail: yuripestushko@yahoo.co.jp

В статье исследуется участие российских политических партий в дискуссиях по вопросам внешней политики. Проанализированы подходы либеральных и консервативных партий к русско-японским отношениям и русскому Дальнему Востоку.

Ключевые слова: Государственная Дума, Япония, Россия, Маньчжурия, партии, Амурская железная дорога, порто-франко.

The Russian parties and the Far Eastern policy of the Tsar government in 1905—1914
Yu.S. Pestushko, Candidate of Historical Sciences, Assistant-Professor of Chair of Japanese language, Far Eastern State Humanitarian University, Khabarovsk.

The article elucidates the participation of the Russian political parties in the discussions on the problems of the Russian foreign policy. There analyzed approaches of liberal and conservative parties to the Russian-Japanese relations and the Russian Far East.

Key words: State Duma, Japan, Russia, Manchuria, parties, the Amur railway, porto-franco.

После поражения Российской империи в войне с Японией произошли существенные изменения в расстановке политических сил на мировой арене. В Европе на первый план выдвинулись противоречия между Германией и Великобританией, а на Дальнем Востоке стали усиливаться американо-японские разногласия. В этих условиях российскому правительству предстояло пересмотреть свою внешнюю политику и определить её приоритетные направления.

Обсуждение российскими правительственными кругами дальнейшего внешнеполитического курса по времени совпало с ростом политической активности в стране. 17 октября 1905 г. правительство Николая II опубликовало Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», провозгласившего гражданские свободы и создание Государственной думы [1, с. 41]. Этот шаг повлек за собой возникновение политических партий различного толка [11, с. 644—645]. Всего за 1905—1917 гг. в России было создано около 150 политических партий, состоявших из об-

щероссийских, региональных и национальных партийных объединений. По своим идейным установкам они были представлены тремя группами: либеральной, консервативной и революционной.

Партии приняли самое активное участие в обсуждении перспектив внешней политики Российской империи. Особое внимание уделялось дальневосточному региону, где на роль лидера стала претендовать Япония. В отличие от либерального и консервативного лагеря революционные партии (эсеры, анархисты, трудовики, большевики) активно не занимались внешней политикой. Дискуссии по данному вопросу они сводили к классовой борьбе и критике царизма [14, с. 26—28]. В то же время внешнеполитические установки либеральных и консервативных партий, а также их подходы к русско-японским отношениям и дальневосточной политике царского правительства представляют большой интерес.

В этой работе автор ставит своей задачей показать отношение либеральных и правых партий к дальневосточной политике царского правительства, а также русско-японские отношения в послевоенный период. В либеральном лагере первой в 1905 г. оформилась Конституционно-демократическая партия (кадеты). Внешнеполитические установки этой партии, сформулированные П. Н. Милюковым, А. М. Шингарёвым, В. Д. Набоковым, А. А. Кауфманом, были близки проанглийскому направлению, которое выступало за сближение России с Великобританией и проведение активной политики в Европе. Поддерживая внешнеполитическую линию кабинетов В. Н. Ламздорфа, а позднее и А. П. Извольского, партия кадетов в то же время ратовала за проведение Россией осторожной европейской политики. Говоря о необходимости дистанцирования от враждующих группировок в Европе, П. Н. Милюков подчёркивал, что царскому правительству следует держаться в стороне от попыток Германии и Великобритании превратить Россию в союзника [2, с. 333]. Кадеты были также за «оборонительную и разумную» политику на Дальнем Востоке. На Втором съезде Конституционно-демократической партии, проходившем 5—11 января 1906 г., Ф. И. Родичев заявил, что русско-японская война нарушила европейское равновесие «...и Россия на долгое время вычеркнута из списка великих держав, решающих судьбы Европейского материка» [3, с. 101], тем самым обозначив приоритет за европейским направлением внешней политики России. Другой представитель кадетов — М. М. Винавер высказывался о перспективах внешней политики России на Дальнем Востоке следующим образом: «...не потому дальневосточную политику отрицаем, что не разделяли бы политику к увеличению (российских владений. — *Ю. П.*), а из соображений практической ценности» [2, с. 280].

Развивая тезис М. М. Винавера о «практической ценности» (русско-го Дальнего Востока. — *Ю. П.*), правое крыло Конституционно-демократической партии рассматривало дальневосточные владения как ненужную обузу. Например, П. Б. Струве объяснял недавний провал российской внешней политики в Восточной Азии тем, что Россия изначально предприняла неверный шаг, ввязавшись в дальневосточные дела, «в область, недоступную русской культуре». Считая приоритетным европейское

направление внешней политики, П.Б. Струве основную внешнеполитическую задачу Российской империи на ближайшее время видел в экономическом подчинении бассейна Чёрного моря — области, доступной влиянию русской культуры [4, с. 374].

В отличие от правого крыла остальные кадеты поддерживали идею экономического усиления российских дальневосточных владений и укрепления их обороноспособности, а связанные с этим мероприятия обсуждали на партийных съездах и собраниях. Наиболее важным вопросом, непосредственно связанным с дальневосточной политикой царского правительства и русско-японскими отношениями, по мнению представителей кадетской партии, стало строительство Амурской железной дороги.

Следует заметить, что одной из причин поражения России в войне с Японией явилась низкая пропускная способность Сибирской железной дороги, не справлявшейся с перевозкой военных грузов [5]. После русско-японской войны безопасность Приамурского края зависела от возможности перебрасывать грузы военного назначения на Дальний Восток. По Портсмутскому мирному договору Россия лишилась права использовать КВЖД в стратегических целях, и проведение железной дороги от Сретенска до Хабаровска в первые послевоенные годы стало первой задачей российской дальневосточной политики.

Внутри кадетской партии существовало две группировки — сторонников и противников этого строительства. Например, А.И. Шингарёв, И.И. Петрункевич, Ф.И. Родичев высказывались против сооружения Амурской железной дороги, считая, что русскому Дальнему Востоку не грозила военная опасность со стороны Японии, а сама дорога рассматривалась как «великодержавная авантюра» Российской империи, совершенно не оправданная экономически и к тому же ведущая к обострению отношений со Страной восходящего солнца [2, с. 280—281].

В противоположность им Гредескул и Милюков утверждали, что в результате вхождения Южной Маньчжурии в японскую сферу влияния русские дальневосточные владения оказались под потенциальной угрозой нападения со стороны Японии. Эта точка зрения основывалась на том, что между российской и японской сферами влияния в Северо-Восточном Китае не существовало буферной зоны. По мнению вышеназванных политиков, после того как Россия лишилась возможности использовать КВЖД в военных целях, политическая и экономическая целесообразность строительства Амурской железной дороги превратилась в необходимое условие обороны Дальнего Востока на случай войны. Кроме соображений стратегического характера сторонники строительства железнодорожного пути Н.П. Гредескул и П.Н. Милюков также указывали на экономическую целесообразность данного мероприятия. По их мнению, соединение Сретенска с Хабаровском способствовало бы экономическому развитию русского Дальнего Востока и активизации переселенческой политики царского правительства [2, с. 280—281].

Таким образом, несмотря на принадлежность к одной политической партии, конституционные демократы расходились во мнениях относительно сущности дальневосточной политики России в послевоенный пе-

риод и по-разному рассматривали перспективы отношений с Японией. В то же время взгляды кадетов были схожи в необходимости поддержания статус-кво на Дальнем Востоке, экономического усиления дальневосточных окраин Российской империи и отказа от проведения Россией активной завоевательной политики в Европе. Так что необходимость Амурской железной дороги представлялась вполне очевидной. Российские политики Л. М. Болховитинов [5], В. И. Денисов [6, с. 25—26] и др. мотивировали строительство стратегическими соображениями. Не менее важна была и экономическая составляющая этого железнодорожного пути.

Правое крыло либерального течения, представленное партией «Союз 17 октября», придерживалось иного взгляда относительно ближайших и долгосрочных перспектив внешней политики России и её дальневосточного направления. Программные установки правых либералов (А. И. Гучков, П. Л. Корф, М. В. Родзянко, Н. А. Хомяков) основывались на идее усиления военной мощи России и возвращения ей международного авторитета, пошатнувшегося из-за недавней войны на Дальнем Востоке. Октябристы подчёркивали, что по своим внешнеполитическим воззрениям они далеко отстоят от Конституционно-демократической партии. П. С. Чистяков объяснял различия в подходах двух партий к вопросам внешней политики: «Эта партия (кадеты. — *Ю. П.*), охваченная стремлением как можно скорее преобразовать государственный строй России, радовалась всем неудачам правительства и рукоплескала победам японцев в Маньчжурии над русской армией. Девизом этой партии всё время было: «чем хуже, тем лучше». И с теми людьми, которые радовались и рукоплескали этим поражениям, этому горю, мы не можем и не должны примириться» [7, с. 136].

Впервые послевоенные годы «Союз 17 октября» не особенно отличался от кадетов по своему пониманию сущности внешнеполитических целей и задач Российской империи. На Дальнем Востоке октябристы видели наибольшую опасность в попытках Японии выдавить Россию с побережья Тихого океана не военными, а экономическими методами. На подобную возможность, по мнению этой партии, указывали косвенные факторы: неспособность дальневосточной администрации держать под контролем отдалённые территории (Камчатка, большая часть побережья Охотского моря), существование порто-франко, усиление притока дешёвой рабочей силы на русский Дальний Восток из Китая и Японии [7, с. 85]. Поэтому лучшим вариантом дальневосточной политики, по мнению «Союза 17 октября», в то время были мероприятия по экономическому усилению русского Дальнего Востока.

В качестве одного из необходимых условий восстановления довоенных позиций России в дальневосточном регионе, дальнейшего упрочения экономического положения Приамурья «Союз 17 октября» называл отмену беспошлинной торговли, т. е. мероприятие экономического, а не военного характера. По словам А. И. Гучкова, отсутствие налогообложения иностранных товаров привело к тому, что товары японского и американского производства проникли в глубь российских владений и закрыли доступ на дальневосточные рынки российским предпринимателям [8, с. 75]. В 1909 г. партия поддержала идею царского правительства

о закрытии порто-франко на Дальнем Востоке, что позволило правительству Николая II принять соответствующий закон в третьей Государственной Думе, где октябристов было большинство.

В дальнейшем они заметно сменили тон и развернули критику оборонительной политики России на Дальнем Востоке. Перемену можно объяснить тем, что за пять—шесть послевоенных лет Российская империя восстановила свои силы, подорванные русско-японской войной, что позволяло царскому правительству вновь перейти к активной политике на международной арене. В отличие от Конституционно-демократической партии с её идеями экономической и культурной модернизации страны октябристы заявляли, что необходимо в первую очередь вернуть утраченный престиж великой державы. Они призывали к увеличению вооружённых сил и возвращению к политике укрепления экономических и политических позиций в Восточной Азии, где ситуация складывалась не в пользу России: «...Грозит Япония. Просыпается Китай. Нужно быть готовым к новым испытаниям» [8, с. 73].

Несмотря на послевоенную нормализацию русско-японских отношений, «Союз 17 октября» относился к Японии насторожённо, считая, что существовавшие ранее противоречия между Санкт-Петербургом и Токио не устранены окончательно. Наиболее воинственно настроенные члены партии (вроде П.С. Чистякова) заявляли о якобы полной готовности Российской империи к продолжению военного противостояния с Токио: «...нам ужасы войны знакомы, наши раны не залечены... Но в то же время мы знаем, что нас 160 миллионов, что армия наша сильнее, чем когда-либо, что позор японской пощёчины горит на наших щеках и что если крайность заставит, то мы дадим такой отпор (Японии. — Ю.П.), какого ещё не бывало» [8, с. 320]. Следует подчеркнуть, что данное заявление не следует рассматривать как призыв к войне с Японией. Октябристы признавали возможность войны лишь в случае нападения Японии первой в качестве ответного шага.

Таким образом, в либеральном лагере «Союз 17 октября» в начале своей политической деятельности выступил сторонником экономического усиления российских дальневосточных владений. Через несколько лет партия заявила о необходимости возвращения к активной политике в Европе и на Дальнем Востоке, посчитав неприемлемым разделение внешнеполитической концепции Российской империи на европейское и дальневосточное направление, как на «менее значимые» и «более значимые». В отличие от кадетов, которым было свойственно несколько абсолютизировать значение экономического фактора в деле укрепления военно-политического положения русского Дальнего Востока, «Союз 17 октября» предлагал не ограничиваться мерами сугубо экономического характера и в случае необходимости прибегать к более действенным средствам защиты интересов России.

Внешнеполитическая концепция правых партий и националистических организаций («Русская монархическая партия», «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела») была отчасти схожа с принципами, провозглашавшимися правым крылом либерального лагеря. Как и ок-

тябристы, правые партии выступали за проведение Россией активной внешней политики. В то же время взгляды правых и октябристов существенно различались. Так, оба политических лагеря расходились по вопросу перспектив отношений России с Англией и Германией. При этом правые партии активно продвигали тезис о необходимости опоры России на Германию во внешней политике.

По мнению правомонархического направления, Англия не только столкнула Россию с Японией на Дальнем Востоке, но и сделала много для того, чтобы развалить Российскую империю изнутри, развернув революционное движение. Например, попавшим в японский плен русским офицерам и солдатам при помощи англичан раздавали антиправительственные прокламации [9, с. 75]. В 1909 г. в открытом письме германскому обществу лидер «Союза Михаила Архангела» В. М. Пуришкевич писал, что России не только не нужно, но и опасно политическое сближение с Великобританией — «страной классического коварства»: «Трудно допустить, чтобы та страна, которая 3 года назад делала всё от неё зависящее к унижению России, чтобы страна эта (Великобритания. — Ю. П.) искала возрождения военной мощи <России> и роста её авторитета в кругу великих держав современного мира» [9, с. 450].

Правые также заявляли об «излишней угодливости» внешнеполитической доктрины России на Дальнем Востоке, призывая к аннексии Северной Маньчжурии и созданию независимой буферной Северной Монголии под протекторатом Российской империи [4, с. 397]. Таким образом, внешнеполитическая доктрина правых партий заметно отличалась от аналогичных идей либерального лагеря своей открытой агрессивностью.

Неудивительно, что, несмотря на документальное подтверждение нормализации российско-японских отношений, выразившееся в подписании между двумя странами соглашения 1907 г. по общеполитическим вопросам, правые партии рассматривали новое военное столкновение с Японией неизбежным [9, с. 468]. Например, как утверждал всего через год после заключения русско-японского соглашения 1907 г. один из лидеров правого крыла А. С. Вязигин (в то время депутат Государственной Думы третьего созыва), Япония готовится к новой агрессии против России, для чего возводит военные укрепления на Корейском полуострове. Целью этой войны якобы станет захват Владивостока [9, с. 424—425].

В исследуемый период правые партии и пресса консервативно-монархического толка («Новое время», «Русское слово») не только сыграли заметную роль в разжигании в России антияпонских настроений, но и способствовали появлению сомнительных геополитических идей. Правые заявляли о возможности заключения некоего японо-американского союза, целью которого стал бы совместный захват русского Дальнего Востока [10, с. 7]. В 1909 г., когда правительства Японии и России вели переговоры относительно заключения второго послевоенного соглашения, воззвания правых партий к русскому народу вещали о проводимых Японией в Маньчжурии военных мероприятиях и готовящемся вторжении в Россию через «...джунгарские ворота, в которые ворвались когда-то дикие полчища Чингис-хана» [9, с. 468].

Следует подчеркнуть, что сведения о проведении Японией в Северо-Восточном Китае направленных против России мероприятий военного характера не нашли подтверждения в документах японского Военного министерства. Например, в отчётах о положении дел в Маньчжурии содержалась обычная для мирного (но никак не предвоенного) времени информация о дислокации войск Японии, России и Германии и ротации офицерского состава [12], [13].

С одной стороны, правым партиям было свойственно искусственно раздувать «японскую опасность», что явно мешало развитию отношений между Японией и Россией в послевоенный период. В то же время правые партии должным образом анализировали положение русского Дальнего Востока и на основе этого предлагали царскому правительству конструктивные меры по экономическому и политическому усилению Приамурья. В ходе обсуждения вопросов, связанных с положением Дальнего Востока на проходившем в 1909 г. в Москве Монархическом съезде, делегаты заявили о необходимости развития дальневосточной переселенческой политики. Съезд также постановил, что правительству России следует обратить особое внимание на привлечение русского населения в малоосвоенные районы Дальнего Востока (Камчатка, Северный Сахалин), а также территории, имеющие важное стратегическое значение (район Посъета), предоставляя переселенцам особые льготы. В качестве мер по ограждению российских дальневосточных владений от угрозы иностранной экономической экспансии было названо усиление пограничного надзора и увеличение числа охранных судов на побережье Тихого океана [9, с. 490—491, 509—510].

Таким образом, по своим внешнеполитическим установкам правые партии отстояли довольно далеко от леволиберального лагеря, видевшего будущее российской внешней политики в Европе и выступавшего за проведение на Дальнем Востоке главным образом мероприятий экономического характера. Ещё заметнее концепция правых отличалась от воззрений либералов, вроде П. Б. Струве, которых вообще «тяготил» русский Дальний Восток, находившийся в сфере «недоступной русской культуре». Как и праволиберальное направление, правые партии признавали существование у Российской империи интересов в Европе и на Дальнем Востоке. Однако наиболее действенным способом обеспечения неприкосновенности российских границ правомонархическое течение считало военную силу и умение действовать на опережение.

После опубликования в 1905 г. царского манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», вызвавшего рост политической активности в стране, в дискуссии по вопросам российской внешней политики включились ведущие политические партии. Высказывались различные мнения по вопросам дальневосточной политики царского правительства и будущего русско-японских отношений. За продолжение войны с Японией открыто выступили партии правого толка, считавшие, что Россия и Япония обречены на военное противоборство, а соседство сфер влияния двух стран в Северо-Восточном Китае является лишним поводом к новой войне. Кадеты при очевидных внутривластных различиях в подходах к дальневосточной политике не рассматривали Японию потенциальным

противником России. Представители этой партии считали, что русско-японская война в целом поставила точку в недавних противоречиях между двумя странами. Октябристы, признававшие возможность нового военного конфликта между Японией и Россией, тем не менее не призывали к возобновлению русско-японской войны. По их мнению, укрепление русского Дальнего Востока в военном и экономическом отношении являлось лучшей гарантией неприкосновенности дальневосточных границ.

Таким образом, основная часть российских политических партий придерживалась мнения, что у Японии и России нет серьёзных причин для продолжения противоборства, а общие интересы в Маньчжурии являются стимулом к проведению совместной политики на Дальнем Востоке. Этот взвешенный подход, предполагавший сближение с Японией и усиление дальневосточных владений России, во многом соответствовал дальневосточному курсу царского правительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юрид. лит., 1994. 352 с.
2. Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. 1905—1911 гг. М.: Прогресс-академия, 1994. 528 с.
3. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 1. 1905—1907 гг. М.: Рос. полит. энциклопедия, 1997. 744 с.
4. История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века: От русско-французского союза до Октябрьской революции. М.: Междунар. отношения, 1999. 672 с.
5. Болховитинов Л. М. Амурская железная дорога [Электронный ресурс] / Л. М. Болховитинов. — Режим доступа: <http://geo.1september.ru/2005/03/45.htm>. — Загл. с экрана. яз. рус.
6. Денисов В. И. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1913. 149 с.
7. Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. 1905—1907 гг. М.: Рос. полит. энциклопедия, 1996. 408 с.
8. Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 2. 1907—1915 гг. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2000. 512 с.
9. Правые партии. 1905—1917: Документы и материалы в 2 т. Т. 1. 1905—1910 гг. М.: Рос. полит. энциклопедия, 1998. 720 с.
10. «Новое время». 3 марта 1908 г. РГВИА (Рос. гос. воен.-ист. архив). Ф. 89. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.
11. 在独国井上大使より加藤外務大臣宛、1906年1月30日『日本外交文書』。 — 第39卷。 — 第2冊。 — 東京：外務省、1959年 = Японский посол в Германии Иноуэ — министру иностранных дел Като, 30 января 1906 г. // Японские дипломатические документы. Т. 39. Ч. 2. С. 644—645.
12. 清国駐屯軍関係書類。防衛研究所、東京、文庫千代田史料。 — 635 = Документы, касающиеся находящихся в Китае войск. Военный архив Национального института оборонных исследований (Токио). Ф. Бунко тиёда сирё 635.
13. 清国駐屯軍概況。防衛研究所、東京、文庫千代田史料。 — 636 = Общее положение находящихся в Китае войск. Военный архив Национального института оборонных исследований (Токио). Ф. Бунко тиёда сирё 636.
14. ペストウシユコ・ユーリ 1905年～1914年のロシア政界における日露関係の見通しをめぐる討論 // ククロス：国際コミュニケーション論集。 — 2010。 — 第7号。15—29ページ = Пестушко Ю. С. Дискуссии в российских политических кругах по вопросам перспектив русско-японских отношений, 1905—1914 гг. // Куклос: международное общение. 2010. № 7. С. 15—29.